

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboïnikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА

В словарях XVIII в. принято было четко различать два значения слова “праздник”, которые иногда раскрывались в двух отдельных словарных статьях: в первой из них речь шла о церковном празднике во всех его разновидностях, во второй – о светском. Например, в издании “Словаря Академии” 1762 г. за статьей “Fête”, посвященной церковным праздникам, следовала та, где говорилось о празднике государственном: “ПРАЗДНИК (FÊTE) означает также публичное увеселение, устраиваемое в чрезвычайных случаях, таких как рождение, свадьбы и въезды Королей”. Это второе значение праздника как светского увеселения распространялось и на торжества по поводу аналогичных событий (в первую очередь, свадеб) в жизни отдельных индивидов¹. Но будучи по определению светским, королевский праздник заключал в себе элементы как профанного (публичного увеселения), так и сакрального (государственного культа). При этом одни королевские праздники (например, придворные балы) являлись преимущественно профанными, другие (такие как коронация) – преимущественно сакральными.

Функции королевских праздников были многообразны. Одна из наиболее важных – *репрезентативная*. По словам Л. Марена, “магия” и “чудо” королевских праздников лучше и нагляднее, чем что бы то ни было, выражали идею абсолютной власти короля: “Развлечения государя в своем замке и угодьях – мы видим это по рассказам современников – в своем замысле и осуществлении следуют тем же принципам, что и война и мир короля на пространстве Европы и мира. Развлечения, в этом смысле, олицетворяют войны во время на ступившего мира, а войны являются праздниками государя, разыгрываемыми на другом поле или на другой сцене. Война – это продолжение праздника другими средствами, подобно тому как развлечение есть продолжение политики на другом уровне”².

На праздник была возложена и не менее значительная *коммуникативная* функция: в этот момент происходило общение короля с подданными. Официальный королевский праздник являлся коллективным действием, которое совершалось всем телом монархии: королем, аристократической элитой, королевскими чиновниками, духовенством и народом совместно. В ходе праздника демонстрировалось и, таким образом, возобновлялось и поддерживалось единство политического тела монархии.

Организованный и упорядоченный королевский праздник, каждый участник которого занимал место сообразно рангу, осуществ

она также *консервирующую* функцию, являясь средством поддержания иерархической структуры общества.

Королевские праздники были наделены *эстетической* функцией, их оформлением занимались первоклассные художники, скульпторы и архитекторы (в числе последних в конце Старого порядка особенно выделялся П.А. Пари), которые подходили к организации праздника, как к созданию произведения искусства. Эти произведения не дошли до нас в силу своей эфемерности, но сохранившиеся планы и чертежи по праву стали предметами искусствоведческих исследований.

Если говорить о присущей любому празднику *рекреационной* функции, то при организации королевских празднеств она учитывалась, очевидно, в последнюю очередь. В тех же случаях, когда она выступала на первый план, когда стремление королей и их окружения отдохнуть и развлечься брало верх над отправлением государственного культа, это подвергалось осуждению со стороны современников и снижало авторитет монаршей власти.

Авторы многочисленных исследований, посвященных данному сюжету, единодушно приходят к выводу, что в XVIII в. королевский праздник вступил в период кризиса. Д. Рош обращает внимание на обнаружившееся в это время противоречие между репрезентативной и коммуникативной функциями праздника: «Монархия XVIII в. была политической сферой, структурированной репрезентацией, более чем коммуникацией. Ритуалы одновременно разделяли и объединяли; они рождали восхищение властью, недоступной большинству, и веру в нее...»³. То есть, подчеркивая величие короля, праздник вместе с тем отделял его от народа. Дистанция еще больше увеличивалась из-за перехода от городских праздников к придворным. Как утверждает известный историк церемониала Р. Гизи, уже со времени правления Людовика XIV на место традиционных публичных государственных ритуалов, таких как въезды короля, королевские заседания Парламента и королевские погребения, приходит самый пышный в Западной Европе придворный церемониал. Из королевских праздничных ритуалов, по мнению Гизи, публичный характер в XVIII в. сохранила только коронация монарха, а остальные торжественные церемонии стали происходить не на улицах, в соборах или в Парламенте, а во дворце в присутствии узкого круга придворных⁴. Историки придают особенное значение тому, что прекратились сопровождавшиеся пышными празднествами въезды короля в различные французские города и монарх, таким образом, перестал непосредственно общаться со своим народом: «Монарх стал оседлым и выезжал только на поле битвы, что привело к исчезновению праздника. Власть теперь требовала от городов помпезных празднеств по случаю династических событий, военных побед и провоз-

глашения мира. Звучали *Te Deum*, палили пушки, вино лилось ркой, по ночам устраивались фейерверки, но по сравнению с королевскими въездами эти церемонии выглядели бледно, так как на празднике не хватало главного героя¹⁵.

Организаторы королевских праздников в XVIII в. были озабочены, главным образом, двумя проблемами: во-первых, необходимо экономить средства ввиду постоянных финансовых трудностей, во-вторых, поддержанием общественного порядка. Королевский праздник должен был проходить по продуманному и четко распланированному сценарию. Его организаторы старались по возможности предусмотреть и свести спонтанность к минимуму, так как она таила в себе угрозу беспорядков. Особенно власти заботились об этом в последние десятилетия Старого порядка, после катастрофы, произошедшей в Париже 30 мая 1770 г. и омрачившей празднество по поводу бракосочетания дофина, будущего короля Людовика XVI, австрийской эрцгерцогиней Марией Антуанеттой. Увеселения с фейерверками закончились давкой, в которой погибли свыше 130 человек. Напуганные случившимся, король, а также ответственная за проведение праздников придворная администрация малых забав и городские власти долго не решались устраивать в Париже большие торжества.

Впрочем, утверждение о переходе от городских праздников к придворным не совсем точно: торжественные королевские въезды XVIII в., как мы увидим, не исчезли совсем, хотя теперь за редкими исключениями совершались только в Париже, так как монархи мало ездили по стране. И королевские заседания Парламента продолжались вплоть до самых предреволюционных лет. Другое дело, что теперь они обычно проводились в ситуации острого политического конфликта и король чаще всего приходил в Парламент не для совершения церемонии, а для того, чтобы своей властью навязать регистрацию спорного эдикта; но с формальной точки зрения ритуал королевского заседания сохранил всю свою торжественность.

Кроме того, помимо четырех церемоний (коронация, погребение, въезд и королевское заседание Парламента), на которых сосредоточили свое внимание Гизи и его последователи-историки церемониала⁶, совершались и другие празднества, центральной фигурой которых оказывался король, и они могли происходить как при дворе, так и на городских улицах и площадях.

Поводы для их организации были чрезвычайно многообразны. Монархия Старого порядка не знала такого явления, как национальный праздник, отмечаемый ежегодно в один и тот же день в память о некоем значительном событии, и с этой точки зрения наш современный государственный праздник оказывается ближе к церковному, чем к светскому празднику тех времен. Характерно отсутст

ной четкой периодичности в проведении наиболее важных государственных праздников: все они отмечались единожды в связи с конкретным событием. Такими событиями становились военные победы и заключение мира; коронация, открытие собрания нотаблей и Генеральных штатов; свадьбы в королевской семье, официальное оповещение о беременности королевы, рождение дофина и других детей, выздоровление членов королевской семьи после болезни; приход иностранного государя, посла или другого высокопоставленного лица; закладка первого камня и завершение строительства крупного сооружения, дворца или парка⁷.

Можно выделить несколько моделей королевского празднества, различающихся по месту, характеру их проведения и составу участников. В конце Старого порядка репрезентативная, коммуникативная и консервирующая функции официального королевского праздника наиболее полно и последовательно выразились в коронации монарха. Торжества по случаю коронации Людовика XVI в Реймсе 9-15 июня 1775 г. представляли собой *традиционный, иерархически организованный праздник*, в котором непосредственно или символически участвовало все политическое тело монархии⁸.

Этот ритуал разыгрывался внутри и вокруг сакрального пространства Реймского кафедрального собора. Время его проведения тоже было сакральным, символизировавшим начало нового царствования. Коронации предшествовал торжественный въезд короля в город Реймс при большом стечении народа. Монарх проследовал по пути, украшенному триумфальной аркой, аллегорическими фигурами Религии и Правосудия и алтарями Верности и Милосердия⁹. Правда, в соответствии с протоколом, установленным еще при коронациях Людовика XIV (1654 г.) и Людовика XV (1722 г.), при самом обряде в кафедральном соборе Реймса 11 июня присутствовали только избранные. Народ все это время оставался на улице и в "святая святых" не был допущен. В сакральном пространстве он был символически представлен "элитой нации"¹⁰. Церковные прелаты, маршалы, высшие должностные лица государства, придворные аристократы, королевские советники, иностранные представители и приглашенные гости занимали свои места внутри собора в иерархическом порядке, в большей или меньшей близости к монарху. При совершении коронационных обрядов королю ассистировали церковные и светские пары и маршалы Франции. Таким образом, расположение действующих лиц и публики в пространстве собора утверждало иерархию сословий. Народ впустили лишь на мессу, когда помазание, коронация и интронизация короля уже завершились. После коронации, 14 июня король по традиции совершил обряд исцеления золотушных, на который в аллею старого парка возле церкви Св. Ремигия собрались около 2500 больных¹¹.

За коронацией последовали торжественные молебны с исполнением “Te Deum” в церквах по всей стране, что делало жителей самых разных провинций также символически сопричастными события в Реймсе.

Сложно говорить об отношении присутствовавших к самой церемонии помазания и к сопровождавшим ее празднествам, потому что оно слишком индивидуально и сохранившихся весьма противоречивых свидетельств и описаний современников недостаточно для обобщений. Очевидно, эта церемония могла вызвать сильные переживания у религиозного человека, способного воспринимать происходящее именно как “соборный акт” заключения мистического союза между королем и народом. Для людей же нерелигиозных, как вых было немало среди французской аристократии того времени это был в сущности красивый, хотя и архаичный спектакль. Они ощущали себя не соучастниками “соборного действия”, а зрителями и оценивали, главным образом, эстетическую сторону происходящего: интерьер собора, декорации, костюмы и т.д. Герцог де Кроа описывая декор собора, отмечал его “излишне театральный облик подобный зрительному залу”. Проповедь архиепископа Ж. де Буажелена была, как в театре, встречена рукоплесканиями восторженной публики¹².

Но коронация – событие уникальное, и праздник по этому случаю был единственным в своем роде. Более привычную и неоднократно повторяющуюся модель являл собой *городской праздник для народа*. Он устраивался в разных городах страны, но пространство городского праздника, отмеченного личным присутствием короля, конце Старого порядка становился только Париж, за исключением прибытия монарха на коронацию в Реймс и еще одной поездки, о которой речь впереди. Описание зрелища в Париже в декабре 1778 по случаю рождения дочери в королевской семье, дает газета “Журнал де Пари”: “Вчера в четверть второго пополудни из городского пушки был произведен залп, возвестивший о счастливом разрешении Королевы от бремени и рождении Принцессы в половине двенадцатого утра. Получив известие, что Королева готовится к родам городская ратуша тут же послала в тюрьмы, где содержались за долги отцы и матери маленьких детей, предупреждение о том, что как только у Ее Величества начнутся роды, двое из гг. Эшевенон отправятся в тюрьмы и отпустят отцов и матерей на свободу, простив и долги, с тем чтобы они молились за скорейшее разрешение Ее Величества от бремени (...). Вечером состоялась раздача хлеба и вина в половине пятого – шествие городского магистрата вокруг костра и иллюминация. Сегодня будет произведено три пушечных залпа: один в семь часов утра, второй в полдень и третий в семь часов вечера; затем на площади Ратуши начнутся фейерверки и раздача в

«... хлеба и колбас»¹³. Позднее, в начале февраля 1779 г. состоялись въезд короля и королевы в Париж и торжественная месса в соборе Нотр-Дам. «8 февраля мне довелось увидеть, пожалуй, самое прекрасное зрелище в жизни, – записал в дневнике герцог Э. де Крои, – в тот день Король с Королевой прибыли в Нотр-Дам и церковь Святой Женеьевы, чтобы возблагодарить Бога за рождение дочери, и по этому случаю был устроен первый церемониальный въезд Короля в Париж. (...) Народ, как мне показалось, взирал на все с уважением и удовлетворением, хотя и без особого воодушевления, но величественная картина, которую я мог наблюдать в течение получения и потеря Короля из виду, была, я полагаю, самой прекрасной в своем роде, какая только может быть ...»¹⁴. По пути в Нотр-Дам королевский кортеж остановился на площади Людовика XV (ныне площадь Согласия), где к монарху с приветствиями от лица города обратились купеческий прево и военный губернатор Парижа.

С еще большим размахом отмечалось рождение первого дофина 11 октября 1781 г. Сразу после объявления радостной новости по всей стране начались иллюминации и фейерверки; во всех церквах служились мессы с пением «Te Deum»; в Париже состоялось шествие, как в день большого религиозного праздника, несколько дней на площадях играли оркестры и народу раздавали деньги, хлеб и мясо, в Версале был парад делегации парижских эшевенов и цеховых мастеров перед королевским балконом¹⁵. Но большие официальные празднества – торжественный въезд короля и королевы в Париж, прием в ратуше, народные балы и фейерверки на городских площадях – после тщательной подготовки развернулись в январе 1782 г. Это был первый праздник такого масштаба в Париже после трагических событий 1770 г. Опасаясь их повторения, организаторы перенесли центр торжеств с площади Людовика XV (именно там в 1770 г. произошла давка) на традиционное место парижских праздников – Гревскую площадь¹⁶.

В декабре 1783 г. в Париже были устроены торжества по случаю подписания в сентябре того же года мира с Великобританией: по городу прошло праздничное шествие, была отслужена месса с пением «Te Deum» в соборе Нотр-Дам, состоялся фейерверк на Гревской площади¹⁷. Рождение второго сына в королевской семье в марте 1785 г. было отмечено в Париже орудийными залпами, колокольным звоном, праздничным шествием, иллюминацией и, наконец, банкетом и угощением для народа на Гревской площади; в начале апреля король прибыл в город и присутствовал на мессе с пением «Te Deum», а в конце мая Париж посетила королева¹⁸. Из приведенных примеров вырисовывается общий сценарий, которому обычно следовали организаторы официального городского праздника: заключенных в тюрьму за долги отпускали на свободу, на улицах уст-

раивали шествия и иллюминацию, палили из пушек, на площади играли оркестры, народу раздавали угощение и деньги, в церквах звонили в колокола, служили мессы с пением "Te Deum" и в особых случаях король совершал въезд в город.

Помимо сухих газетных отчетов и благоговейных строк из дневника герцога де Крои сохранилось описание официального парижского торжества, проникнутое совсем иным настроением. Оно принадлежит перу известного литератора Луи-Себастьяна Мерсье. Его стоит процитировать почти целиком – настолько оно сочно, живо и эмоционально:

"Замечено, что почти никогда из ряда вон выходящее зрелище не обходится без несчастных случаев. Парижская чернь не умеет соблюдать порядок; выйдя из равновесия, она становится шумной, неприятной и буйной.

На этом именно основании были отменены как фейерверк 1-го дня св. Иоанна, так и те, которые пускали по случаю рождения принца и принцесс и в дни празднования сомнительных побед. Взамен этих бесплодных увеселений теперь выдают замуж бедных девушек и выпускают на свободу заключенных. А такими благими идеями мы обязаны опять-таки *патриотическим писателям*.

Я хотел бы, чтобы все пиротехники королевства обанкротились – роскошь наших празднеств всегда приводит к каким-нибудь несчастным случаям. Можно ли спокойно смотреть, как взрывается в воздухе то, что могло бы прокормить в течение целого года сотню бедных семейств? Как можно платить так дорого за столь краткое удовольствие?!

... Однако нужно описать пышные банкеты, устраиваемые для народа щедрыми эшевенами.

Все эти угощения хороши только в описаниях. Вблизи они просто жалки. Вообразите себе подмости, с которых бросают неочищенные языки, сосиски и маленькие хлебцы. Даже лакей сторонится от летящей в него колбасы, которую ради забавы с силой швыряют чьи-то руки в гущу толпы. В руках этих наглых благодетелей хлебцы превращаются в булыжники. Вообразите затем две узких трубки, из которых льется довольно скверное вино. Носильщики Крытого Рынка и извозчики соединенными усилиями привязывают жбан к длинному шесту и поднимают его вверх. Вся трудность заключается в том, чтобы пристроить жбан к трубке – так как возбужденная и жадная толпа то и дело отстраняет сосуд. Удары кулаков сыплются градом, на мостовой вина оказывается больше, чем в самом жбане. У кого нет широких плеч и кто не попал в объединение, может умереть от жажды перед этими фонтанами вина, предварительно воспалив свою глотку колбасными изделиями.

Низость и нищета – вот гости на этих пиршествах. Посмотрите как люди, стоя, пожирают пойманные ими сосиски! Можно подумать, что это изголодавшийся народ, страдающий от неурожая, и по повелению Генрих IV неожиданно прислал ему хлеба и свинины с приправой.

Вслед за тем ободранные музыканты, водворившись на подмостках, окруженные вонючими площадками, пилят по крикливым скрипкам жестким смычком; чернь образует огромный круг и беспорядочно, не в такт прыгает, кричит, вопит, топает по мостовой в неуклюжей пляске. Это не столько веселая, сколько грубая вакханалия.

И как могут эту холодную оргию выдавать за народное празднество?! Так ли древние привлекали бедных граждан к участию в общественных увеселениях?

Когда в толпу бросают деньги, получается нечто еще худшее. Когда мирной кучке людей, среди которой упала монета! Обезумевшие, дикие люди, в порыве ярости, с окровавленными и испачканными грязью лицами, набрасываются на вас, валят вас, ломают вам руки и ноги, лишь бы поднять брошенную монету! Сплошная масса людей падает и тотчас же поднимается, подобно тому как колоссальный кузнечный молот мгновенно обрушивается и давит все на своем пути.

Приходится спасаться бегством от этой шумной давки, уединяться дома, потому что рискуешь лишиться жизни среди толпы, которая готова изувечить человека из-за вареной колбасы или монеты в тринадцать су.

Самым возвышенным и значительным на этих празднествах является *Te Deum laudamus*, который служат в кафедральном соборе. Пущечные выстрелы, примешивающиеся по временам к звукам музыки, исполняемой хорошим и многочисленным оркестром, производят оригинальное, редкостное и трогательное впечатление¹⁹.

Этот пассаж содержит несколько идей, заслуживающих внимания. Прежде всего, примечательно, что оппозиционно настроенный император, как оказывается, полностью разделял свойственные властям страхи перед массовыми зрелищами и считал их возможной причиной беспорядков в городе. Кроме того, праздники для Мерсье – это нерациональная трата денег, которые можно было бы потратить с большей пользой для общества, например, на помощь бедным. И вновь Мерсье не одинок в своем мнении: в данном случае он высказывает точку зрения, характерную для тех, кого называли “философами”. Стоит вспомнить, что аналогичную позицию занимал генеральный контролер финансов А.-Р.-Ж. Тюрго, когда решался вопрос о коронации Людовика XVI. В ноябре 1774 г. он вопрошал в письме к Ж.-А.-Н. Кондорсе, “не являются ли расходы на коронацию самыми бесполезными и смехотворными из всех беспо-

лезных расходов”²⁰, и одновременно предлагал королю перенести коронацию из Реймса в Париж с целью экономии средств²¹.

Народный праздник, каким его описывает Мерсье, некрасив и неэстетичен. Наконец, он не воспитывает гражданственность, а наоборот, пробуждает у участников самые низменные чувства. Впрочем, автор сам себе противоречит, говоря о “холодной оргии”, которую якобы выдают за народное празднество. Вряд ли оргия вообще может быть холодной, и из слов самого Мерсье совершенно очевидно, что участники парижского праздника испытывают бурные эмоции. Критическое описание происходящего в сочинении литератора “философа” свидетельствует в данном случае о конфликте между элитарной и народной культурами. К концу Старого порядка культуры отдельных частей, составлявших коллективное тело монахии, были уже настолько далеки друг от друга, что возобновление единства этого тела в ходе праздника стало трудноосуществимым. Сложившиеся разные типы торжеств, адресованные разным социальным группам и отвечавшие их культурным ориентациям. Народ предназначался городским праздник, столько саркастически описанный у Мерсье.

Что же касается аристократии, то ее вкусам соответствовал *придворный праздник*. Пространством, в котором он разыгрывался становились королевские резиденции: Версаль, Марли, Трианон Сен-Клу, Фонтенбло. В конце Старого порядка состояние королевских финансов не позволяло часто устраивать пышные придворные праздники. Жизнь двора оживляли визиты иностранных монархов и принцев. Особенно широко отмечались приезды императора Иосифа II под именем графа Фалькенштайна (1777 г.), великого князя Павла Петровича с супругой под именем графа и графини Севернь (1782 г.), шведского короля Густава III под именем графа Хаи (1784 г.)²². Регулярно устраивались драматические и музыкальные спектакли. Время от времени королева, “желая немного отвлечь с пруда от его неустанных трудов и наполнить жизнь двора удовольствиями”²³, изобретала разнообразные увеселения. И тогда в парке Малого Трианона то раскидывалась ярмарка, на которой придворные дамы изображали лавочниц, а сама королева – торговку лимонадом; то разыгрывалось подобие сельского праздника или карнавал²⁴. Перенос многих придворных праздников из Версаля в Трианон означал сужение их пространства. Там давались ужины и импровизированные развлечения для небольшого круга приближенных друзей королевской семьи, на которых общение было интимным и свободным, “семейным”, без соблюдения строгих норм этикета. К чему это приводило? Пышные, хорошо продуманные и организованные праздники должны были демонстрировать величие и власть короля и процветание страны. С помощью таких торжеств монар-

управляли аристократией и всем королевством. Но развлечения Марии Антуанетты в Малом Трианоне были лишены этого смысла и следовательно, оправдания в глазах подданных и вызывали негативные толки в обществе. Возмущенные современники подсчитывали, по что мог обойтись казне тот или иной придворный праздник и обвиняли королеву в бездумной расточительности²⁵.

Иными словами, придворный праздник XVIII в. плохо справлялся с репрезентативной и коммуникативной функциями. Он имел тенденцию к превращению в досуг, увеселение членов королевской семьи. Именно это в условиях постоянных финансовых трудностей порождало слухи о чрезмерных расходах двора: если сами короли перестали рассматривать придворный праздник как дело государственной важности, то и подданным он теперь казался лишь бесполезной тратой денег.

Однако в конце Старого порядка существовала еще одна модель королевского праздника, которая, как и коронация, отличалась многофункциональностью и тенденцией к возобновлению единства политического тела монархии. И, подобно коронации, церемония такого типа также оказалась уникальной в своем роде. Речь идет о *поездке короля в провинцию*. Пространством королевского праздника XVIII в. был преимущественно центр (Версаль и Париж), и редким случаем выхода праздника с участием короля на периферию стала поездка Людовика XVI в Нормандию 21–29 июня 1786 г. на открытие нового военного порта в Шербуре, решение о строительстве которого было принято после завершившейся в 1783 г. победоносной войны против англичан.

Во время поездки король посетил четыре города: Шербур, Кан, Гавр и Руан. В каждом из них прием монарха был обставлен по-своему. И при всей их организованности, в празднествах, сопровождавших поездку короля по Нормандии, был также ярко выражен элемент спонтанности. В Шербуре 26 июня король наблюдал маневры кораблей, общался с моряками и произвел на них впечатление своей осведомленностью в морском деле. Визит в Шербур не имел ничего общего с традиционным въездом короля в город и, напротив, походил на посещение военно-морской базы главой государства в наши дни. По словам современника, “во время пребывания короля в Шербуре видно было, как он любит флот, потому что он гораздо дольше находился на воде, чем на суше. Он пришел в такой восторг, что сказал, что два самых прекрасных дня его жизни – это день коронации и приезд в Шербур; а жители никогда не забудут, как на то и дело раздававшиеся крики “Да здравствует король!” он отвечал: “Да здравствует мой народ!”²⁶ В Кане не устраивалось никаких особых торжеств: монарх просто общался с народом. “По приказу короля его карета ехала медленным шагом, без свиты, без помпы, в со-

провожении лишь двух гвардейцев, так чтобы все могли приблизиться. “Это мои дети”, – говорил король. Он лишь предостерегал толпу не бросаться под колеса”²⁷. Зато посещение провинциальной столицы Руана представляло собой королевский въезд в город, как в былые времена. Руан встречал короля триумфальной аркой, пушечной пальбой, флагами и вымпелами на кораблях и звоном все колоколов. В Гавре опять, как и в Шербуре, состоялись морские маневры. Вся эта поездка в целом дает редкий для последних десятилетий Старого порядка пример праздника, объединившего разные слои общества.

Таким образом, нельзя категорично утверждать, что в конце Старого порядка на смену официальному публичному городскому празднику пришел придворный. Король время от времени чтит своим присутствием торжественные мероприятия в Париже. Кроме того, дважды он совершал въезды в провинциальные города: на коронацию в Реймс и во время поездки по Нормандии. Но этот последний удачный опыт пришел слишком поздно и не получил развития в силу ряда причин. Похоже, что в то время у королевского окружения вообще отсутствовала продуманная стратегия официальных праздников. Их организаторы стремились устроить прекрасное с эстетической точки зрения и впечатляющее торжество или занимательное увеселение, считаясь при этом с финансовыми трудностями и не забывая о необходимости поддерживать порядок, но о пропагандистских задачах праздника, за исключением нормандского турне, они по-видимому, заботились меньше. А после 1786 г. уже не было ни повода, ни возможности развить успех поездки в Нормандию: не произошло события, которое можно было бы отпраздновать подобным образом, затем разразился предреволюционный финансовый кризис и стало совсем не до праздников. Следующая поездка короля по стране носила далеко не торжественный характер: это была его неудавшаяся попытка бегства из революционного Парижа летом 1791 г.

Официальный государственный праздник представляет собой явление, тесно связанное с политикой, и он удается в полной мере тогда, когда удается политика. В июне 1786 г. только что закончилось строительство крупного военного порта, свежа еще была память о недавней победе в войне – и благодаря этому получился праздник, а неудачи в политике трудно компенсировать торжествами и увеселениями. Наконец, блеск и величие королевского праздника были неразрывно связаны с представлениями о едином политическом теле монархии. Праздник успешно справлялся со своими задачами, и прежде всего с задачей воссоздания политического тела монархии до тех пор, пока он являлся элементом целостной системы представлений такого рода. Когда же вся эта система оказалась разрушенной, праздник был бессилен ее восстановить.

Dictionnaire de l'Académie française: 4e éd. P., 1762. P. 735.

Martin L. Le portrait du roi. P., 1981. P. 241.

Roche D. La France des Lumières. P., 1993. P. 242.

Giesey R.E. Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France // *Annales: E. S. C.* 1986. N 3. P. 579–599.

Cassan M. Fêtes // Dictionnaire de l'Ancien Régime. Royaume de France, XVIe–XVIIIe siècle / Sous la dir. de L. Bély. P., 1996. P. 544.

Hanley S. The Lit de Justice of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual, and Discourse. Princeton, 1983; *Jackson R.* Vive le roi: A History of the French Coronation from Charles V to Charles X. Chapel Hill; L., 1984;

Wyant L. The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual, and Art in the Renaissance. Geneva, 1986; *Giesey R.E.* Cérémonial et puissance souveraine: France, XVe–XVIIIe siècles. P., 1987.

Примечательно, что во французских словарях XVIII в. при перечислении возможных поводов для светского праздника фигурируют события хотя и “чрезвычайные”, но все же достаточно регулярно повторяющиеся. Так, в этом перечне нет коронации, которая происходит один раз за все царствование. В то же время там названы рождение детей и свадьбы в королевской семье, которым совсем не уделяли внимания историки церемониала. Въезды королей, прекратившиеся к этому времени, по утверждению историков церемониала, там тоже названы; впрочем, упоминание королевских въездов можно объяснить и тем, что статья в словаре описывает реалии, ушедшие в прошлое. Так, тот же текст с упоминанием королевских рождений, свадеб и въездов был почти дословно воспроизведен в издании “Словаря Академии” 1798 г. (*Dictionnaire de l'Académie française: 5e éd. P., 1798. P. 579*), когда королю давно отрубили голову, а Франция стала республикой. Текст был существенно изменен лишь в следующем издании 1832–1835 гг.: там при объяснении второго, светского значения слова “праздник” в ряду “чрезвычайных случаев”, которые могут послужить поводами для публичных празднеств, названы свадьба государя, заключение мира, приезд в город некоего важного лица (без уточнения, о ком именно может идти речь) и сельский праздник (*Dictionnaire de l'Académie française: 6e éd. P., 1832–1835. T. 1. P. 747*).

⁶¹ Подробное описание коронации Людовика XVI см., например: *Le sacre et couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre, dans l'Église de Reims, le 11 juin 1775; précédé de recherches sur le sacre des Rois de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XVI; et suivi d'un journal historique de ce qui s'est passé à cette auguste cérémonie. P., 1989; Croÿ E., duc de.* Journal inédit du duc de Croÿ (1718–1784) / Publ. par le vicomte de Grouchy et P. Cottin: 4 vol. P., 1906–1907. Vol. 3. P. 168–189; *Gruber A.-Ch.* Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève, 1972. P. 88–102. III. 57–61; *Weber H.* Das Sacre Ludwigs XVI von 11. Juni 1775 und die Krise des Ancien Régime // Vom “Ancien Regime” zur französischen Revolution: Forschungen und Perspektiven. Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte. N 55 / Hrsg. E. Hinrichs, E. Schmitt, R. Vierhaus. Göttingen, 1978. S. 536–565; *Valensise M.* Le sacre du roi: stratégie symbolique et doctrine politique de la monarchie française // *Annales: E. S. C.* 1986. N 3. P. 543–577.

- ⁹ Описание королевского въезда в Реймс в июне 1775 г. см.: *Le sacre couronnement de Louis XVI*. P. 6–18; *Gruber A.-Ch.* Op. cit. P. 99–101.
- ¹⁰ *Croÿ E., duc de*. Journal inédit. T. 3. P. 174.
- ¹¹ *Ibid.* P. 203–204.
- ¹² *Ibid.* P. 171, 178.
- ¹³ *Journal de Paris*. Dimanche. 20 Décembre 1778. N 354.
- ¹⁴ Описание королевского въезда см.: *Croÿ E., duc de*. Journal inédit. T. 3. P. 156–158.
- ¹⁵ *Journal de Paris*. Mercredi. 24 Octobre 1781. N 297; Vendredi. 26 Octobre 1781. N 299; Lundi. 29 Octobre 1781. N 302.
- ¹⁶ Подробное описание праздников, состоявшихся по случаю рождения дафина в Париже в 1781–1782 гг., см.: *Gruber A.-Ch.* Op. cit. P. 115–132. П. 68–79.
- ¹⁷ *Journal de Paris*. Lundi. 24 Novembre 1783. N 328.
- ¹⁸ *Journal de Paris*. Lundi. 28 Mars 1785. N 87 ; *Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792* publiée d'après les manuscrits de la Bibliothèque impériale de St.-Pétersbourg / Par M. de Lescure. P., 1866. T. 1. P. 552, 561–562, 568–569, 570–571.
- ¹⁹ *Мерсье Л.С.* Картины Парижа. М., 1995. Гл. “Фейерверки”. С. 211–213.
- ²⁰ Цит. по: *Le Goff J.* Reims, ville du sacre // *Les lieux de mémoire* / Sous la dir. de P. Nora. P., 1986. T. 2, Vol. 1. P. 162.
- ²¹ См.: *Turgot A.-R.-J.* Mémoire au Roi sur les dépenses du Sacre // *Oeuvres et documents le concernant: Avec biographie et notes* / Par G. Schell 5 vol. P., 1913–1923. Vol. 4. P. 119.
- ²² Описания устроенных в этой связи праздников см., например: *Bachaumont L. Petit de*. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours. Londres, 1780. T. 10. P. 10, 125, 160 ; T. 20. P. 62, 260, 265, 266, 282, 297 ; T. 21. P. 126; T. 25. P. 28, 29, 30, 31, 45, 58, 67, 72, 83 ; *Campan J.-L.-H. Genet*. Mémoires de Madam Campan, Première femme de chambre de Marie-Antoinette / Éd. prés. p. J. Chalon. P., 1988. P. 155 ; *Correspondance secrète inédite sur Louis XVI*. P. 45, 48, 62, 481, 484–485; *Croÿ E., duc de*. Journal inédit. T. 4. P. 34, 253–254, 263–265; *Métra F.* Correspondance secrète, politique et littéraire ou mémoires pour servir à l'histoire des cours, des sociétés et de la littérature en France depuis la mort de Louis XV: 16 vol. Londres 1786–1789. Vol. 4. P. 322; Vol. 13. P. 4, 59; Vol. 16. P. 260; *d'Oberkirch H.-L., baronne*. Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789 / Ed. pré et annot. par S. Burkard. P., 1989 (1970). P. 210, 268–271, 273–276; *Papillon de la Ferté*. L'administration des menus-plaisirs. Journal de Papillon de la Ferté intendant et controleur de l'argenterie, menus-plaisirs et affaires de la chambre du Roi (1756–1780) / Publ. par E. Boyssse: 2ème ed. P., 1887. P. 406.
- ²³ *Correspondance secrète inédite sur Louis XVI*... P. 93.
- ²⁴ *Ibid.* P. 93, 172, 245–246, 580–581.
- ²⁵ См. об этом, например: *Correspondance secrète inédite sur Louis XVI*... P. 9 *Bombelles M.M., marquis de*. Journal / Ed. J. Grassion et F. Durif: 2 vol. Genève 1978–1982. Vol. 2. P. 247; *Solnon J.-F.* La Cour de France. P., 1987. P. 484–490.
- ²⁶ *Bachaumont L. Petit de*. Mémoires secrets... T. 32. P. 183.
- ²⁷ *Ibid.* P. 165–167.